

Олег Рябов

Олег Алексеевич Рябов – родился в 1948 году в Горьком. Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер». Работал в НИИ научным сотрудником, в проектно-институте начальником снабжения, в Облкниготорге – товароведом, в оперном театре – дежурным электриком, на мясокомбинате – заместителем директора, в типографии – тоже каким-то начальником. Впервые стихи были опубликованы в газете «Ухта» Коми АССР в 1968 году. Первая книга, повесть о войне «Письма отца», вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли пятнадцать книг стихов и прозы. Печатался в журналах: «Наш современник», «Дружба народов», «Знамя», «Нева», «Север», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Невский альманах», коллективных сборниках, альманахах, антологиях. Лауреат конкурсов «Ясная поляна», им. Шукшина «Светлые души» (Вологда), лауреат премии Б. Корнилова, «Болдинской премии», трижды лауреат премии Нижнего Новгорода в области литературы. С 2002 года член Союза писателей России. С 2011-го – член ПЕН-клуба. Главный редактор журнала «Нижний Новгород». Указом президента РФ награждён медалью Пушкина.

НЕ ЛЮБЛЮ ПАРИЖ

Рассказ

«Не люблю Париж! – Это не моё», – эту фразу я услышал от моего доброго старого товарища Юры, объехавшего полмира и умеющего отдыхать, которому я похвастался, что впервые побывал в Париже. Он был не только уважаемым, но и достаточно состоятельным человеком; как пример тому, могу доложить, что из двух «Майбахов», которые тогда ходили по нашему городу, один принадлежал ему.

Наблюдая его за рулём, я понимал, как важно научиться вальяжно водить такую машину: мой друг не обращал внимания на светофоры, двойные разделительные полосы, регулировщиков и посты ГАИ. Он никогда не превышал установленной скорости, но если уж какие-то инспекторы задерживали его на этих постах, то он останавливался и подолгу мог с ними беседовать на самые посторонние темы, обязательно спрашивая о здоровье их родственников и с готовностью платил штрафы. Точнее, он просто давал им денег с просьбой передать привет начальству в ранге не ниже генерала. А на простой вопрос о том, кто ему выдал такие регистрационные номера, а номера у него были замечательные, мой друг наивно отвечал, что их ему просто-запросто у них в ГАИ и выдали. После чего умные инспекторы денег у него всё же не брали, а уважительно козыряли и желали счастливого пути.

Я хочу сказать, что этот мой товарищ любил и до сих пор любит всё самое хорошее и качественное, добивается этого и на этом строит всю свою жизнь. А в Париже, куда он со своей милой и замечательной супругой Танечкой заехал на несколько дней по пути домой с Лазурного берега, они, не задумываясь, зашли в какое-то центровое кафе и попросили всего-навсего бутылку хорошего шампанского и кисточку винограда.

– Когда мне был выставлен счёт за это удовольствие в восемьсот евро, я просто удивился, – с неприятной гримасой доложил мне друг, – у меня в подвале коробка этого французского шампанского «Поммери» стоит. Мне друзья в подарок прямо из Франции как-то раз по случаю привезли, а тут восемьсот евро. Не люблю я Париж – дорого там всё!

Лично для меня как для обладателя первой формы допуска секретности, которая была неприятным родимым пятном для многих жителей нашего закрытого города, до поры до времени Париж был недостижимой мечтой, небесным облаком, миражом. Будучи в командировках в Москве или

Ленинграде, в Риге или Одессе, мы, носители неизвестных нам самим секретов, должны были сами же и следить, чтобы в кафе или ресторане к нам не посадили за столик какого-нибудь иностранца. Мой товарищ по перу и носитель этого тяжкого бремени секретности Боря Бейненсон написал ещё в советские годы замечательное стихотворение «Мне никогда не быть в Париже».

Но как судьба играет: уже в новое время и даже уже после того, как я впервые побывал в Париже, встретил я случайно Борю на Мытном рынке в овощных рядах, где мы с ним оба покупали лук и морковь. Я радостно приветствовал его, напомнил, что он пятнадцать лет назад брал у меня книжку Вересаева «В тупике», которую до сих пор не вернул, и доложил, что побывал в Париже. Боря посмотрел на меня с обречённостью и печалью:

– Книжку, конечно, я должен разыскать и тебе вернуть, – пробормотал он с некоторым сомнением в реальности исполнения, – а вот в Париже мне всё же так и не побывать. Как поэт я когда-то этот факт напорочил сам себе.

– Что так? – спросил я.

– А работаю я сейчас в Федеральной кадастровой палате в Москве и являюсь носителем таких секретных секретов, что, по моему мнению, таких носителей вместе с проводами на пенсию надо сразу же расстреливать. Ведь я же знаю, сколько стоит вся моя Родина, за сколько можно её при желании продать вместе с Волгой и Байкалом. А ещё я знаю, где есть несколько десятков гектаров ничейной земли прямо на границе с Финляндией, и их тоже можно купить, в смысле – продать. А самое главное, и это уже шёпотом и по секрету, все эти знания позволяют мне прогнозировать планы Кремля, о которых в Кремле ещё даже и не предполагают. Вот так!

– А что, вообще-то хочется в Париж, Боря?

– Да нет, уже и не хочется.

Вот так кончаются поэты!

Не уверен, но иногда кажется мне, что любой художник, поэт, драматург, артист, любой творческий человек хочет попасть в Париж! И не один раз за свою жизнь! Из легенд и сомнительных фактов созданная аура этой художественной, литературной и артистической Мекки заставляет сюда стремиться все творческие души. И не мифические д'Артаньян и капитан Мегрэ, киногерои Жана Маре и Бельмондо манят со щемящей болью их всех сюда. Не сомнительная слава «родины всех революций» с реками крови, в которых тонули французские обезглавленные короли, дворяне и крестьяне, не развенчанный Наполеон и не разбившаяся принцесса Диана, а Дягилев с Лифарем, слившиеся в сомнительной страсти, Ахматова с Модильяни, уличённые в кратком романе, Хемингуэй и Цветаева, якобы работавшие в одном и том же кафе над своими гениальными текстами, и, конечно, ночной Пляс Пигаль с красными пещерами порока, и вращающиеся крылья Мулен Ружа, и мазня сотен бездарных художников, сидящих с мольбертами на Монмартре и продающих тут же за гроши свои «шедевры» – вот тот сомнительный магнит.

Нет – не Лувр!

Не Лувр притягивает в Париж людей с творческой жилкой. Больших музеев, с гигантским количеством собранных в них шедевров, с которыми невозможно ознакомиться даже при всем желании ни за день, ни за неделю, ни за месяц, на свете много. Я спрашивал у русскоязычного экскурсовода в Лувре и, скорее всего, представителя третьего поколения первой волны эмиграции: «А есть ли у вас Шишкин и Левитан?» К его глубокому сожалению, он впервые слышал о таких художниках. Из русских мастеров живописи он знает только Айвазовского и Коровина, но их тоже нет в Лувре: не доросли. А узнав от меня, что Кандинский, Малевич и Татлин тоже русские, он очень удивился и, по-моему, не поверил мне.

Не «Джоконда», к которой я остался абсолютно равнодушен, манит сюда людей искусства. Не на что там смотреть: в бронированном застеклённом кожухе, защищающем картину, всегда вы увидите отражение висящего напротив шедевра Паоло Веронезе «Брак в Кане Галилейской». А сам портрет Моны Лизы и не рассмотришь толком – на открытках всё выглядит куда симпатичнее.

Честно сказать, хотя я редко с кем делился за последние годы этим впечатлением, мне показалось, что этот шедевр заряжен отрицательно. Слышали что-нибудь про энергетику произведения искусства? Так вот: после очень кратковременного общения с Моной Лизой я чувствовал себя в физическом плане разбитым и сразу же ушёл из музея.

Вот могила Леонардо, бережно хранимая, на меня произвела хорошее впечатление, настолько она скромна: расположена она в маленькой часовенке Сен-Юбер замка Амбуаз на высоком берегу над

Луарой, и нет к ней никакой очереди! Я даже подобрал на память камешек с земли, в которой лежит гений, и пылится он на моём стеллаже рядом с моими любимыми книгами.

В первый раз я получил гостевую визу во Францию в качестве гонорара за сомнительно выполненную работу. В самом начале 90-х группа «Рено» оформляла своё представительство в Нижнем Новгороде, и какой-то наш местный, но ответственный, а возможно, даже государственный человек порекомендовал этим французам обратиться за помощью ко мне: хотелось им оформить офис нового представительства в русском национальном стиле. Совершенно не представляя себе серьёзности задания, с которым ко мне подъехали господа из Парижа, я посоветовал французским дизайнерам поставить в приёмной офиса вместо кресел три старых сундука с музыкой и покрыть их медвежьими шкурами. А дальше: донца пялок, хохломские братины и рыбацкие наборы из Семёнова, настенные панно из Городца, домотканые половики и подстилки. Я разошёлся и расфантазировался.

Я даже не мог подумать, что моя болтовня будет принята всерьёз. На следующий день французы встретились со мной и сообщили, что идея моя им понравилась. Они убедительно попросили меня помочь им приобрести три хороших больших сундука, на которых можно было бы сидеть, и три медвежьих шкуры. Я всё нашёл – им повезло. По ходу дела я объяснил французам, зачем в сундуке играет незатейливая, но тревожная мелодия при повороте ключа – конечно, для того, чтобы хозяин, который после обстоятельного обеда задремал на втором этаже в своей опочивальне, услышав её, сразу же проснулся и забеспокоился.

Договор я с французами не заключал и идею оформления помещения высказал между делом, а отблагодарить моим новым друзьям меня очень хотелось. Я, не задумываясь, сообщил им, что хочу в Париж. Притом я сказал им, что мой брат физик-теоретик по договору читает лекции в парижском университете Сорбонна и может мне выслать гостевое приглашение. Французы оказались очень ответственными ребятами и, сняв с меня все заботы по оформлению визы, так постарались, что через две недели я уже был в Париже.

Первую пару дней жил я у брата, который снимал небольшую квартирку почти в центре Латинского квартала на улице Паскаля. В день приезда, встретившись с ним вечером, я доложил, что за день выпил в разных кафе на набережной три чашки кофе и каждый раз платил за него двадцать франков. Брат строго отругал меня, сообщив, что попить кофе можно у стойки, и это обойдётся в пять франков. Так я впервые столкнулся с официальной оплатой удобств и услуг, которой у нас в стране практически ещё не было, и мне это не понравилось – чаевые мне нравились больше.

Потом я на неделю снял угол у старой-престарой старухи в том же доме, где жил брат, но этажом выше: так было нам всем удобнее, потому что я с неудержимой страстью бросился за впечатлениями и болтался по Парижу и день и ночь. У этой старухи, так же как и у брата, спал я на полу, на всё том же самом братнином надувном матрасе. Будучи бывшей учительницей русского языка, плату за проживание деньгами моя хозяйка отказалась с меня брать, пожелав заниматься со мной русским: я должен был каждый день по часу разговаривать с ней по-русски. Но на этом выиграл и я сам: старуха согласилась поводить меня по ночному Парижу и показать остатки старинных королевских замков четырнадцатого века в районе Маре.

Ночные прогулки со страшной ведьмой, удивительно плохо говорящей по-русски, по тёмному туманному средневековому городу – это мой первый Париж. Мне тогда ещё показалось, что моя хозяйка специально не выходит днём на улицу, чтобы не смущать прохожих, которые будут непременно останавливаться, чтобы посмотреть на безобразное и притягивающее взгляд её лицо: люди любят подсматривать за всякими уродствами. И когда своим скрюченным пальцем она указывала мне на тёмные окна, подсказывая, что вот там жила миледи де Винтер, а в окнах над нею жил Виктор Гюго, то у меня голова начинала кружиться. А старуха уже тянула свою руку куда-то в сторону острова Сите, где во тьме угадывался собор Парижской Богоматери, и вещала: «А вот там – дворец Ротшильдов, наших парижских Ротшильдов. Только сегодня почему-то окна не горят – наверное, опять уехали к своей родне в Англию».

Неделю у старухи я не прожил. Мой брат уезжал домой, в Россию, и старуха тоже заявила вдруг, что уезжает куда-то к родственникам.

Несмотря на то что я всего несколько дней провёл с братом, он успел меня предупредить, чтобы я никогда не ездил в определённые районы, где компактно проживают арабы, и он мне их перечислил, а также чтобы я не носил мою любимую красивую фланелевую куртку с надписью

«СССР» на спине, которую мне подарил знакомый тренер сборной страны по фристайлу – могут побить.

Я срочно бросился искать себе жильё в гостиницах. Эти грязные и тесные микрогостиницы Латинского квартала ошеломили меня ещё и несопоставимыми с их убожеством ценами, пока я не понял, что для местных проституток цена не имеет такого уж большого значения.

Мне пришлось выучить по-французски одну фразу, которую я помню до сих пор – «же шерше уне шамбр пур муа», что должно было означать, что «я ищу один номер для себя». Не знаю, как меня понимали служащие этих крошечных странных учреждений, но номер я для себя нашёл. Комната была площадью не больше шести метров с раковиной, тумбочкой и кроватью – всё! Удобства и душ были общими и находились в конце коридора. От моего окна до стены соседнего дома было метров пять, не больше. Зато голуби с узких карнизов и с провисающих проводов регулярно слетали на мой широкий подоконник, чтобы проявлять свою галантность по отношению друг к другу и заниматься любовью, и это радовало.

Во внутреннем дворике моей гостиницы, куда я регулярно попадал, чтобы пройти на соседнюю улочку, в продовольственный магазин за булочкой, сосисками и бананами, которыми я питался каждый день, существовало непонятное сообщество, членов которого я бы назвал просто алкашами, но, может, это были апаши или клошары – не знаю. Только каждый день они требовали у меня с утра десять франков, один из них просто протягивал мне руку, я клал туда монетку, и он без улыбки, очень серьёзно зажав её в кулак, уходил. Меня предупредили, что в Париже можно пить вино по цене от тридцати франков за бутылку и дороже, но мой подопечный умудрялся обходиться вином за десять.

А почему я выбрал для себя такой режим питания – объясню. Первый и последний раз в своей жизни я зашёл перекусить в «Макдональдс» в Париже и отравился там какой-то дрянью – больше я никогда в «Макдональдс» не заходил, ни в одной стране мира. Личный опыт подарил мне это железное правило. Хотя многие мои друзья считают, что этот вид общепита – настоящая палочка-выручалочка.

Ещё очень любопытную загадку я сам себе загадал, на которую не мог долгое время ответить и которую мне расшифровал снова брат. Первым местом, куда мне хотелось попасть в Париже, было кабаре «Мулен Руж». Я помнил, что знаменитый американский бандит Аль Капоне пытался заполучить к себе в Чикаго это варьете, чтобы оно украсило его день рождения, предлагал миллионы, но не сумел – «Мулен Руж» работает только в Париже. И вот после того, как я там побывал и увидел самых шикарных женщин в мире на службе, я стал обращать внимание на парижанок. Увы – глубокое разочарование посетило меня! Но, возможно, это разочарование, вызванное ожиданием, возникло на пустом месте, а истина справедливее и красивее.

Во всех маленьких магазинчиках, тех, что называются «в шаговой доступности», в которых я обслуживался: в булочных, овощных, продовольственных, я сталкивался с местными жительницами, домашними хозяйками, которые спустились из своих квартир, чтобы сделать необходимые покупки. И вот они стоят с сигаретами в руках, разговаривают между собой, как и наши русские голубушки-соседки, но... Одна – в бигуди, кое-как заправленных под платок, другая со спущенными наполовину гольфами, третья в расстёгнутом домашнем халатике, и хорошо видны и её синий бюстгальтер и такие же синие трусы...

«Как же так?» – задавал я себе не раз в те дни вопрос. А где же знаменитые и неотразимые своей свежестью, своим очарованием парижанки? Почему они позволяют себе в таком непотребном, неприглядном, неряшливом виде выходить из дома? Тут было не очарование, а полное разочарование. А кто же те красивые женщины на бульварах и на набережных? Я видел, как они выходят из дорогих авто, как им открывают швейцары двери в дорогие отели. Кто они?

Да это туристки и женщины лёгкого поведения.

А настоящие парижанки – они вот такие, и они не собираются приукрашивать себя обманчивой ложной красотой, подводить помадой губы, карандашиком глаза, припудриваться, специально как-то одеваться – всё это удел и ремесло девушек из «Мулен Ружа». Парижанка на улице хочет выглядеть так и вести себя так, как она ведёт себя дома. Этим парижанки в корне отличаются от наших русских домашних хозяек, которые два часа готовы потерять перед зеркалом, припудриваясь и подбывая кофточку, чтобы сходить в магазин за картошкой.

Определённый парижский тип мужчины в малиновом или даже жёлтом пиджаке, с шёлковым ярким платком на шее, который я выделил для себя в свой первый приезд, меня тоже не порадовал.

Этих мужчин в ярких пиджаках или в «брюках в полосочку» я встречал в парижских жилых кварталах на каждом шагу, и таким своим прикидом они также резко отличаются от наших утренних небритых русских ребят, обречённо стоящих в домашних тапочках, застиранных трениках и выгоревших майках у ближайшей пивной. А вот в последующие свои приезды в Париж я как-то потерял его из виду, этого классического, по моим меркам, парижанина.

В общем-то, и некоторые другие картинки, смутившие меня, находили в устах моих оппонентов довольно сомнительное объяснение. Под землёй, на станции метро, прямо рядом с остановкой поезда лежит пьяный парижанин в своей собственной блевотине, и никого это не смущает. А через несколько дней я вижу такого же спящего пьяницу на тротуаре, в пяти метрах от входа в мою гостиницу, и опять это никого не волнует. Брат объяснил мне, что эти свободные люди живут в свободной стране и ничего не нарушают: они имеют право ходить, сидеть и спать на тротуаре, потому что тротуар не частная собственность, а муниципальная, общая, а они не шумят, не буянят – им так нравится жить.

Чтобы с этими комментариями к увиденным парижским картинкам покончить, скажу, что «Мулен Руж» меня потряс напором своей эротики, безудержной, но безопасной. Я бывал и в Большом театре, и в Мариинском и видел работу театра Баланчина «Нью-Йорк Сити балета», но ни разу ещё мне к тому времени не приходилось видеть настоящее эстрадное шоу.

Правда, через несколько дней я уже несколько поостыл. В Тургеневской библиотеке, этом «русском клубе» Парижа, куда я зашёл, чтобы просто отметить, неожиданно попал на выступление Сергея Сергеевича Аверинцева: он читал свои стихи. После выступления я ещё имел возможность обсудить с ним возможность издания на русском языке книги Жеребцова «История цивилизации в России», к которой он готов был написать предисловие и быть редактором издания.

Сергей Сергеевич предварительно предупредил нас, слушателей, что цикл стихотворений, который он будет читать, написан им с предполагаемых позиций средневекового монаха-схоластика, его средневекового мировоззрения, и надо этот момент постараться учесть. Психология, информационный багаж, эмоциональный набор, возможности выбора личной позиции у среднестатистического человека в разные века очень сильно отличались, и это надо понимать, когда ты пишешь литературное произведение, связанное с другой исторической эпохой.

На этом же вечере я встретился и познакомился с некой молодой и приятной дамой. Она была по происхождению русской, работала в каком-то парижском издательстве и занималась переводами начинающих поэтов с французского на английский и наоборот. Звали её Лена. Так вот, Лена была в ужасе от состояния современной стихотворной школы Франции:

– Если эхо великой французской поэзии начала двадцатого века от Артюра Рембо через Гийома Аполлинера, Блеза Сандрара и Поля Элюара ещё и докатилось до нашего времени, то это только эхо. Потому что все тексты современных стихоплётов не только на подстрочнике, но и в первобытном естественном авторском состоянии представляют собой набор банальных зарисовок:

«Я поехала к бабушке в деревню, она сварила варенье из абрикосов. Это очень вкусно». Вот такая поэзия. Я понимаю, что мне, современнице Пастернака, Ахматовой, Бродского, носителю их языка трудно – есть с чем сравнивать.

Ещё интереснее в информационном плане оказалось то, что Лена некоторое время работала в кабаре «Фоли-Бержер», а вот пять лет назад вышла замуж, родила дочку и живёт с мужем-французом в Париже.

После вечера, уже на улице, по пути к метро, я задал Лене смущавший меня вопрос про обнажённых в кабаре девушек. Моя новая знакомая рассмеялась:

– На нас было всегда такое количество грима, туши, пудры и прочей косметики, что и клочка чистой кожи не оставалось, мы были, скорее всего, похожи на рыцарей в латах. Ни о каком смущении не могло быть и речи – это были не мы!

Был я после, уже через несколько лет, и в другом шикарном кабаре «Лидо», но никакого восторга и повышенного возбуждающего впечатления у меня не осталось – так, показалось, что всё это я уже видел. Да так оно и было. В этом, наверное, отличие произведения настоящего большого искусства, которым можно наслаждаться много-много раз и всю жизнь, повторяя встречи с ним, от великолепной шикарной поделки, разобрав которую, можно понять, как она сделана.

Может, я не люблю Париж потому, что сразу встретил здесь очень много новых для меня явлений, которые не смог сразу понять и принять. Хотя я, например, сразу понял, почему одни и те же

кроссовки, одной и той же фирмы и в одинаковых упаковках стоят в стандартном универсаме «Тати» пятьдесят франков, а на блошином рынке Монтрё я видел их в такой же фабричной упаковке за пять франков. Но мне как брату профессора кроссовки на блошином рынке за пять франков было запрещено покупать – я обязан покупать товары в торговом центре «Тати». А вот в элитном магазине на Елисейских полях, в который я заглянул случайно, просто гуляя от безделья, где журчат по художественно оформленным домашними растениями желобкам искусственные ручьи и летают попугаи, а меня бросились обслуживать сразу три барышни, предлагая и соки, и кофе, я сразу разглядел в витрине такие же кроссовки, в такой же упаковке, но уже за двести пятьдесят франков, и их уже должен был покупать господин Березовский.

Так решается поддержка малообеспеченных слоёв населения. И своё место в обществе каждый должен сам для себя уяснить. Если человек с высокими доходами ищет возможность купить товар или услуги так, чтобы сэкономить, то у него ещё пока есть проблемы, и он не готов жить в нормальном буржуазном обществе. Человек с высокими доходами не имеет права покупать товары с социальными скидками, потому что количество их ограничено! Но ещё очень долго наши состоятельные русские граждане будут искать, «где дешевле», нужно время, чтобы наше социалистическое общество по-настоящему расслоилось. В Париже с этим строго. Брат мне сразу пальцем показал магазин, в котором я должен буду покупать подарки для супруги и для дочерей.

Мне вспомнился случай, когда моя больная мама попросила меня съездить в специальную социальную аптеку и купить ей лекарство, которое она там уже заказала по телефону. Я сел за руль и поехал на другой конец города. Зайдя в ту, указанную мне, аптеку для больных и нуждающихся пенсионеров, увидел я на скамейке с сидящими и ожидающими своей очереди старухами, мою пожилую знакомую, соседку по дому. Я только что, этим утром, дал ей пятьсот рублей на лекарства: у неё не хватало, и она честно призналась мне в том и попросила.

Она со мной поздоровалась.

Как же мне было неудобно!

Я развернулся и вышел. Купил я лекарства маме в нормальной аптеке, пусть и значительно дороже.

Раз я заикнулся про блошинный рынок, то хочу сказать, что там я столкнулся ещё с одной моей проблемой, которую мне не удалось исправить при всём желании. На этом блошином рынке Монтрё я как старый букинист заинтересовался у одного из торговцев книгами ценой на лежащее у него на раскладке прижизненное издание Дюма «Записки врача» 1852 года в чудненьком сафьяновом переплёте с приятными иллюстрациями. Спросил я по-английски, на что продавец выхватил у меня книгу из рук и засунул её в коробку, отвернувшись демонстративно от меня. Я выругался по-русски матом, предварительно обозвав продавца идиотом. Продавец обрадовался и заулыбался, услышав русскую речь.

– Ты русский? – спросил он у меня по-русски.

– Русский, – ответил я.

– А я армянин, но мы, французы, не любим, когда у нас здесь говорят по-английски. Мы не любим англичан. Ты не говори по-английски, говори по-русски, кто-нибудь да поймёт.

Книжку я не купил, хотя она была очень дешёвая – сорок франков, это – восемь долларов.

Посещение кладбища – дело интимное. Я, впервые приезжая в какой-то город, считаю своим долгом посетить местное кладбище и базар. Это точки, в которых живёт правда, они всегда честно расскажут тебе о жителях этого города. На кладбище и дворник, и генерал, если не в возможностях, то уж в своих чувствах равны.

Пока я не побывал на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, я не мог понять выражение «Париж – русский город». И в этом меня не мог убедить ни наш Александр Третий, который подарил Парижу самый красивый мост через Сену, ни наш Александр Первый, который, в 1814 году войдя в Париж, велел своим казакам не трогать шедевры Лувра и, упаси бог, не растаскивать их по своим деревням. Пусть тут стоят и висят, наши русские люди всегда смогут сюда приехать и полюбоваться.

Так вот – про кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Удивило меня и даже поразило живыми, яркими, сочными красками надгробье Нуриева, выполненное в виде восточного ковра по проекту его друга Энцо Фриджеро, и постоянно меняющиеся фотографии танцора на надгробье, которые приносят поклонники. И ещё многое что! Но ведь я видел и трогал руками и надгробье Тимура в Самарканде, и надгробье Хеопса, а тут что-то заставило

меня о нём задуматься, об этом кладбище. Нет! Не огромное количество белогвардейцев, этих русских солдат, оставшихся здесь навсегда: это их судьба, в судьбе любого солдата заложена глубокая возможность упокоиться навсегда в чужой земле. А вот тысячи моих соотечественников, которые мечтали улечься в родную землю, а нашли последний приют здесь... Вот что меня поразило.

Я сидел на мраморном краешке могилки Ивана Алексеевича Бунина и грустил.

Курил и грустил.

И Бунин, и Галич, и Мережковский, и Андрей Тарковский – они все мечтали о Родине.

Мимо проходила дородная женщина, эдакая здоровенная колхозница-доярка-мордовка лет тридцати, она тащила за руку десятилетнего сына и грязно ругалась по-русски. Мальчик с кругленькими, близко поставленными глазками, очевидно, был болен – солнечный ребёнок. Женщина ругала ребёнка чуть-чуть нежнее, чем мужчину, который плёлся за ними, рассеянно поглядывая по сторонам. Мужчину она просто поливала! Тот не обращал внимания.

– Ты русский? – внезапно спросила она у меня, остановившись.

– Да, – ответил я, не ожидая этого внимания.

– Понимаешь, я десять лет за ним замужем, и он за это время не выучил ни одного русского слова. Ничего не понимает! – она вновь обернулась на своего мужа и вновь грязно по-русски обругала его.

– Понимаю, – ответил я, хотя и ничего не понял.

Конечно, Сен-Женевьев-де-Буа – это не Париж, а в Париже каждый день восстания, пикеты, забастовки, демонстрации: то против бомбардировок Югославии, то «жёлтые жилеты» требуют убрать камеры-регистраторы с дорог. Когда я уезжал из Парижа, жители города опять протестовали, не помню точно против чего – может, против расстрела Белого Дома в Москве, а может, против войны в Алжире, которая закончилась к тому времени уже давным-давно.

В день перед отъездом я снова, по непонятному для меня до сих пор внутреннему зову, забрёл в Лувр. Посетить зал, где висела Джоконда, я даже не смог – мне плохо стало уже при одной мысли об этом. А вот прилетев в Москву, прямо из аэропорта я поехал к моему другу Юрию Паркаеву в Староконюшенный переулок и, конечно, поделился с ним всеми своими парижскими впечатлениями. Но особое место я уделил своему неудачному общению с известным произведением гениального Леонардо.

Что удивительно – Паркаев вспомнил и рассказал мне, как он тридцать лет назад, выстояв многочасовую очередь в Пушкинский музей, попал на просмотр привезённого в Москву шедевра; портрет Моны Лизы он видел. И так же, как и у меня, после встречи с работой великого Леонардо у него долго болела голова. И удивительно, что Юра так же, как и я, объяснил этот эффект больной головы пресловутой отрицательной энергетикой, и никакого чуда кроме неё в картине нет. В тот вечер, который мы с ним удачно провели в ресторане ЦДЛ, он пообещал мне никогда не ездить в Париж. И действительно – после той нашей встречи он почти каждый год стал ездить летом в Италию.

* * *

Я как русский человек никаких зарокос давать никому не стал – Чехов не рекомендовал этого делать русским людям. И вот спустя несколько лет, в преддверии какого-то очередного юбилея, моя супруга озвучила мне своё единственное желание: в качестве подарка на день рождения она хочет получить поездку в Париж. Желание любимой женщины для нормального мужчины – закон.

И вот мы в Шереметьевском аэропорту стоим в очереди к регистрационной стойке за Аликсом Кохом, бывшим председателем комитета по управлению государственным имуществом всей России. Этот когда-то сильно неуважаемый всей страной человек находился к тому моменту незначительного, но довольно тесного нашего общения в очереди уже под следствием, что наводило меня на мысль, что он решил просто слинять навсегда из страны, и, как оказалось впоследствии, был я не прав. Алик довольно экспрессивно разговаривал с кем-то по мобильному телефону, которые только-только начали входить в моду, быстро вытесняя примитивные пейджеры.

А уже после обеда мы заселились в отель «Гран опера» – это в самом центре Парижа, как и хотелось моей супруге. Отельчик был плохенький, но хотелось ей в свободное от централизованно запланированных экскурсий время побродить по старым улочкам и набережным Парижа: у неё уже целый план таких маршрутов и мероприятий был составлен.

Была ранняя весна, каштаны ещё не зацвели, но уже всюду зазеленели, и в воздухе этой парижской весной просто пахло. Мы бросили свои вещи в номере и спустились в вестибюль гостиницы, где должны были встретиться с нашим будущим гидом. В ожидании его мы вышли на улицу, чтобы просто всеми лёгкими вдохнуть этот парижский воздух. По проезжей части улицы тёк ручей, я бы даже сказал, что это была небольшая речка: где-то прорвало канализацию, точнее – засорилась она где-то. Это проблема всех старых городов с изношенной системой подземных коммуникаций, вот такие речки из фекалий вдоль тротуаров. В нашем родном городе тоже эти речки регулярно текут, и с ними борется городской «Водоканал», а может, и ещё какие-то серьёзные службы. Любопытно, что эти канализационные стоки везде пахнут одинаково, и совсем не каштанами.

Запомнился мне этот парижский пахучий поток невесёлой сценкой для зевак. Прямо на наших глазах, прямо перед нами, выйдя из такси на другой стороне улицы и переходя её, попытался перепрыгнуть этот вонючий ручей (не поверите!) господин Борис Березовский. И не получилось у него – не перепрыгнул. Березовский прыгнул, недопрыгнул, вступил одним ботинком в ручей и выругался. Стоящие возле входа в отель туристы поаплодировали Березовскому. Через пару минут мы могли его наблюдать сквозь стеклянную витрину уже сидящим в ресторанчике нашей гостиницы. Он оживленно жестикулировал и даже махал руками, что-то объясняя своему собеседнику.

Чтобы покончить с этим немаловажным аргументом, поясняющим мою нелюбовь к Парижу, надо отметить ещё два мелких штриха, случившихся с нами в тот день и на следующий.

Безумное количество гуляющих с хозяевами собак. Все парижане выводят своих питомцев гулять в одно время, и все собаки гадят в это время прямо на тротуар. Есть хозяева более-менее стыдливые, и тогда они ходят с совочком и пакетиком, убирая за своими братьями меньшими. А большинству парижан на этот факт наплевать – они платят налог за своих домашних тварей, и власти должны сами заниматься решением этой проблемы. Решают, но не всегда успевают, и иногда так вляпаешься, что приходится возвращаться домой, в смысле – в номер гостиницы, чтобы переобуться.

Злил меня этот фактор сильно. Я даже иногда стал присматриваться к парижанам, гуляющим с собаками: любопытно стало – какие они.

Вот идёт крупная негритянка (очевидно, что прислуга!) с огромным псом: то ли кавказец, то ли сенбернар, телёнок какой-то – не разбираюсь я в этих породах, но весу в нём под сто килограммов есть. И в негритянке сто килограммов есть, и даже больше, при росте сто шестьдесят. Это же надо видеть, как они друг друга презирают и даже ненавидят и смотрят в разные стороны. Она в сандалиях на босу ногу, курит сигарету через длинный мундштук, а пёс батон в пасти несёт, багет этот французский, метровой длины, перегораживая им половину тротуара, и картинка вырисовывается совсем комичная. Батон он собирается съесть, и вот они, и пёс и негритянка, выбирают место поуютнее для такого важного процесса.

Да что же я про собак-то? А то, что вступил я в тот вечер в то, во что вступать не следовало.

А ещё – на следующий день было Вербное воскресенье, и мы с супругой пошли на службу в храм наш православный Александра Невского. Вручил мне во дворе при входе в храм какой-то любезный мальчик вместо вербы веточку незнакомую. Говорит, что самшит. Стоим мы на службе в храме – народу прилично, но не тесно, не толкаемся. А только всё равно наглец один нашёлся: прёт, раздвигая локтями людей, куда-то прямо к царским вратам, словно чего там забыл. Жену мою толкнул. Я его обозвал шёпотом – уж не буду говорить как! А он обернулся с извинениями, и я увидел, что это Собчак. Да-да, Анатолий Собчак. И он также в тот момент находился под следствием.

Все они, что ли, которые под следствием, в Париж едут?!

И ещё один любопытный факт я выяснил для себя в тот день. Прямо напротив нашего православного храма Александра Невского располагается маленький антикварный магазинчик, и о нём надо вспомнить, потому что...

Вечером я спросил у нашего гида по поводу парижских знаменитых антикварных магазинов и лавочек и получил от него немного смутивший меня ответ, наполненный удивившими меня фактами. В Париже около полутора тысяч антикварных магазинов, причём только два из них торгуют русской стариной: иконами, фарфором, книгами, картинами. То есть все эти легенды про бешеный спрос на русские иконы за границей – голое враньё: русские иконы тут никому не нужны, так же как и русская живопись, и русские матрёшки. А вот африканскими деревянными масками торгуют пятнадцать магазинов, а почтовыми марками – триста!

Конечно, посетили мы и букинистов на набережной Сены, поковырялись в их железных ящиках. Сразу поняли, что это клуб, в котором интересно присутствовать лишь при условии, что ты всех знаешь или тебя все знают и тобой интересуются. А так... Ничего любопытного в этих ящиках металлических нет, кроме наборов полупорнографических открыток и игральные карты. Купил я, смеха ради, на память маленький рекламный буклет, оформленный в стиле «пин-ап». Есть что-то общее с нашим плакатным стилем «сов-арта» шестидесятых.

От лёгкой на первый взгляд и ни к чему не обязывающей болтовни с Никитой Струве в магазине русской книги я получил куда большее удовольствие, чем от этих букинистических ящиков.

Потом мы поехали по их французским деревням замки смотреть: есть очень солидные, а некоторые – так себе. Наш Шереметевский в Юрине на Волге и даже Воронцовский в Крыму (хотя он и послабее) могут потягаться с этими французскими. Только вот дёрнуло же наших туристов, и мою супругу в том числе, попить их местного французского домашнего вина, пару кувшинов которого в какой-то деревне щедро выставил на стол хозяин местной харчевни, где мы обедали. Я мудро не стал этого делать, помнил наказ опытных людей – не пить в Париже дешёвых вин, а вот все мои коллеги по этому туру, я думаю, навсегда прокляли французское гостеприимство и французские домашние вина. Хотя кто-то мне сказал, что у них, у французов, просто желудки другие.

Моя супруга зареклась.

Заметил я ещё, что население Парижа меняется очень резко. Если буквально пять или шесть лет назад мой брат перечислил три пригородных района, где компактно обитали арабы и которые посещать не следует, то в этот наш заезд гид предупредил, чтобы мы по вечерам вообще по маленьким улочкам не бродили – бывают случаи, что арабы балуются и можно остаться без кошелька или без зубов. Агрессивность их повысилась. Так и сказал. Арабы – ладно, но он нам не сказал ничего про забастовки и демонстрации, а Париж бурлил. Несколько дней по центральным улицам нельзя было пройти – парижане возмущались бомбардировками, которыми НАТО подвергло Югославию. Я подумал о сознательности парижан и о том, что если бы вышел у себя в Нижнем Новгороде пикетировать такое событие, то меня бы за сумасшедшего точно приняли.

* * *

Опять снился Париж: катаемся на лодочке по озеру, мы с моим добрым знакомым, главным библиофилом страны, на вёслах, а мужик какой-то на корме сидит и нами командует. Я этого мужика не знаю, но Библиофил мне на ухо сказал, что это московский министр культуры. И вот проплываем мы мимо пристани маленькой, даже дебаркадером не назовёшь, а на пристани вывеска «Париж». Всё!

Уже потом я сообразил, что мы все трое самым непосредственным образом земляки.

Кто меня сосватал на Парижскую книжную ярмарку поехать – не знаю до сих пор. Просто в списках делегации себя увидел, когда мне этот список прислали. А потому ни подготовиться, ни отказаться не имел возможности – непонятно, кто меня туда включил и кому я там нужен, да и уровень делегации такой, что тут не откажешься. Просмотрел список членов делегации: весь цвет литературы современной России – даже перечислять не буду. Даже неловко оттого, что в такой компании оказался, стало – ни я ни с кем не знаком, ни меня никто не знает. Хотя один земляк есть. Решил я держаться к нему поближе, чтобы какой-то важный момент не упустить.

Поселили нас всех в приличном отеле наконец-то, в центре, рядом с храмом Святой Марии Магдалины. Из окна номера видны красные крыши Парижа, постельное бельё идеальное, бар забит спиртным, замысловатой французской выпечкой, телевизор работает, холодильник тоже.

Я сразу же хотел пойти на выставку северского фарфора – в планах такое было. Но Земляк мой подавил меня своей активной настойчивостью и, захватив с собой московского писателя Илью, мы пошли в гости к Ване Соллогубу, замечательному молодому, но уже зарекомендовавшему себя как талантливый русскому парижскому художнику. С Ваней была договорённость, и он Земляка ждал.

Когда вам исполнится семьдесят, не пытайтесь получить удовольствие от прогулок по городу с молодыми сорокалетними, спортивного склада мужиками – только трата здоровья и никакого удовольствия. Я не рассчитал своих сил, когда согласился на их маршрут. Сначала мы в темпе поднялись от гостиницы к храму Сакре-Кёр по каким-то незнакомым крутым улочкам, выкурили там по сигарете и побежали по ступенькам вниз. Ваня Соллогуб должен был дожидаться нас где-то тут на ступеньках.

Я не ожидал от моих друзей такой безалаберности в смысле договорённости о встрече. Но Ваню мы встретили. Он сидел на бетонном парапете в полугоре от храма, с каким-то безразличием обнял нас всех троих и заявил, что ждёт уже час.

Мы купили вина, за полчаса добрались до Ваниной мастерской, где Земляк с Ваней стали обсуждать его, Земляка, недописанный потрет, Илья пить вино, а я их всех фотографировать. Ничего интересного в мастерской этого русско-французского художника я не разглядел и не выяснил, кроме того, что он, оказывается, является прямым наследником Оболенских, Лопухиных, а также писателей Михаила Осоргина и Бориса Зайцева.

А ещё от Вани я с удивлением узнал, что его любимая книга – «Война и мир», но читал он её на французском языке! Разговаривать по-русски всех этих наших бывших русских родители учат, и сами дома все по-русски говорят, а вот читать их учили в школе и только по-французски! Ну, может, ещё по-испански.

В общем – портрет Земляка был пока не готов, и ему придётся приезжать в Париж ещё раз. Мы с полчаса вполне серьёзно обсуждали возможность проведения персональной выставки Вани в Нижнем Новгороде, хотя со временем идея эта как-то сама умерла.

На следующий день, уже на книжной ярмарке, я познакомился и с родителями Вани, и с его сестрой, которая приехала на автобусе из Швейцарии, где она работает в каком-то издательстве. Я всем им задавал один вопрос и получал один и тот же ответ: да, разговариваем мы по-русски, а читаем русские книги на французском.

Утром меня очень рано разбудил Земляк, он вошёл в номер какой-то помятый, заспанный и озабоченный:

– У тебя ничего нет пожрать? – спросил он.

Я был немножко шокирован, потому что знал о существовании такой болезни, а точнее, даже не болезни, а такого врождённого недостатка, как приступы агрессивного голода. Это как ломка алкогольная, наркотическая или никотиновая – самочувствие паршивое.

– Да нет, – ответил я, – а в кафе, внизу?

– Нет, там до семи закрыто. Я у тебя в баре чуть-чуть пошуршу, а ты давай поднимайся ко мне в номер, я тебя жду.

Он открыл бар и рассовал по своим карманам все шоколадки, печенинки и пузырьки с водкой, коньяком, пепси-колой и пивом. В общем, вытащил из бара всё и ушёл.

Я не торопясь сполоснул холодной водичкой лицо, натянул джинсы, какую-то майку, тапочки и пошёл к Земляку: он жил прямо надо мной этажом выше, но номер у него был попросторнее, да ещё и с огромным балконом. Это был не балкон, а свободный выход на какой-то очень большой участок крыши. С неё хорошо просматривалась значительная часть Парижа, точнее, крыш Парижа.

Кроме меня и Земляка, в номере оказалось ещё несколько человек, значит – Земляк не болен, а виновником всей суматохи был неряшливо и, может даже, несвеже одетый молодой мужчина лет двадцати пяти. Его звали Алик, он сидел и доедал мои шоколадки и кексики, запивая их водкой из маленьких бутылочек. Земляк сидел рядом с ним на кровати, и они вполголоса, но очень агрессивно что-то обсуждали.

Сначала мне показалось, что вся эта компания сидит тут, в номере у Земляка, с вечера, но очень быстро понял, что ошибаюсь, потому что он подтолкнул ко мне какую-то маленькую пухленькую дамочку никак не выше полутора метров ростом со словами:

– Девочка, вот у него всё спрашивай, а нам с Аликом не мешай – нам поговорить надо о серьёзных вещах, а не о Славниковой этой твоей. Старик, – это Земляк уже ко мне, – это хорошая журналистка из популярного парижского культурного еженедельника, поговори с ней, она хочет у тебя взять интервью.

И эта тридцатилетняя плюшка сразу прилипла ко мне:

– Ох-ох-ох, расскажите мне, пожалуйста, как вы относитесь к творчеству Ольги Славниковой? Вы действительно считаете её одной из лучших писателей современной России? Где она живёт? Как она работает? Что у неё за семья?

Мне пришлось напрячься: я не знал, что это за журналистка и как с ней себя держать, – я ведь мог и Земляка подвести своими неразумными сентенциями! Я решил вести себя деликатно и предупредительно.

– Дорогая, – ответил я пухленькой журналистке, взяв покровительственный тон, – я не знаком с Ольгой Славниковой, я ничего не читал у неё, и я не уверен, что она лучший писатель современной России. Я даже не знаю, пишет ли она что-то сейчас. А она ведь в нашей делегации. Ты уже встречалась с ней?

– Да, я уже взяла у неё интервью, и мне хотелось узнать ещё и ваше мнение о ней.

– Дорогая, к сожалению, у меня нет мнения о Славниковой – я не знаком с её творчеством. Я даже не знаю, о чём она пишет.

Выручил меня один солидный прозаик, лауреат самых главных российских премий, который, так же как и я, случайно оказался в номере у Земляка. Думаю, Земляк у него с утра пораньше тоже из бара вытащил все пузырьки, а потом так же пригласил его в гости. Лауреат за руку буквально вытащил меня на крышу покурить:

– Дружище, перестань с ней общаться – толку от неё никакого. Скажи лучше, ты уже встречался с Мишелем?

– А кто это такой? – удивился я.

– Ты что? Мы все через Мишеля прошли! Это, пожалуй, самый интересный для начинающих русских литературный агент. Издательство «Галлимар» полностью доверяет ему. Тебе надо.

– Познакомь меня с ним, – обрадовался я.

– Завтра. Нет – прямо сегодня, отсюда же мы все едем на салон. Он там обязательно будет.

Мы пожали друг другу руки, рассчитывая, что один из нас, а может, и оба мы пойдём к себе в номера, но мы оба остались. Ушёл незванный гость Земляка.

Земляк вкратце рассказал нам историю Алика, его фамилию я точно не помню, но она звучала как-то совсем просто и в корне у неё была Москва: то ли Московкин, то ли Москвичёв – не важно. Важно, что он, член партии национал-большевиков, по заданию «деда» ещё с двумя пацанами совершили когда-то какую-то акцию и был впоследствии за эту акцию заочно приговорён нашим российским судом на пять лет и объявлен в федеральный розыск. «Дед» обещал помочь, выручить, спасти его, но, видимо, забыл про пацана, и вот – он уже полтора года сидит в этом проклятом воюющем Париже и живёт с клошарами чуть ли не под каким-то мостом. Документов никаких, денег нет – ни обуться, ни одеться, ни пожрать. Как он попал сюда, в Париж, я не стал спрашивать, но что-то защемило у меня внутри.

После завтрака вся наша делегация, а это человек пятнадцать (по фамилиям не перечисляю – боюсь кого-то позабыть, а писатели народ ревнивый и мстительный), направилась на заказном автобусе на знаменитую Парижскую книжную ярмарку. Тысячи, нет – десятки тысяч квадратных метров под крышей, сотни стендов различных издательств со всех стран мира: Бразилия, Кения, Венесуэла, Вьетнам, Алжир и ещё какие-то страны, о существовании которых я не догадывался. А главное – я не представлял, что там тоже кто-то пишет книги и кто-то их там ещё и читает!

У многих стендов идут перманентные автограф-сессии. Причём в очередях за автографами стоят по пятьдесят или по сто человек – и это не предел, и для таких очередей, как в аэропортах, сделаны специальные коридоры из лент, натянутых на невысокие металлические стойки. Но главное, что меня поразило, это очень большое количество писателей – чернокожие женщины в возрасте около сорока лет; именно к ним и выстраивались эти безумные очереди за автографами. Что это за писательницы-негритянки, я так и не понял, и объяснить это явление мне так никто и не смог.

Разыскать что-то или кого-то конкретного в этом безумном столпотворении без квалифицированной помощи было невозможно, и я болтался без толку битых пару часов, пока судьба не направилась сама мне навстречу. Я искал необходимого мне позарез литературного агента Мишеля. Он родился в Париже ещё до войны и чувствовал себя в этом муравейнике как рыба в воде, а потому по-умному надо было мне просто сидеть на нашем родном российском стенде и ожидать.

Между двумя самыми большими выставочными стендами, это стенды Индии и Бразилии, по центральному коридору навстречу мне шёл, улыбаясь, человек с моей книгой «Когиз» в руках. У меня в руках тоже была моя книга «Когиз», которую я планировал подарить этому великому литературному агенту.

– Я вас ищу, и узнал я вас издаека, господин наш будущий автор, – начал он на чистом русском языке, но с заметным акцентом, пожимая мне руку, – давайте где-нибудь присядем, выпьем кофе и поговорим о наших делах.

Мишель очень ловко провёл меня между какими-то драпировками или шторами, и мы оказались на территории большого кафетерия, и нам даже удалось усесться за каким-то столиком на два полукожаных топчана. Кофе был паршивый, но не ради кофе мы здесь встретились.

Говорил мне папа, чтобы я никогда не хвастался и даже просто не сообщал малознакомым людям о своих связях, друзьях, близких – забыл! Буквально на первой минуте нашей встречи, только-только мы уселись за стол, я спросил у Мишеля, а не знаком ли он с Рене Гера, знаменитым парижским антикваром и коллекционером русского Серебряного века и русского зарубежья, который заезжал как-то раз ко мне в Нижний Новгород – его привозил ко мне Сергей Чуянов, наш местный журналист. Мне хотелось бы побывать у него в гостях здесь, в Париже, если Мишель поможет мне с ним встретиться. Я мог заметить, но почему-то не придавал значения этому явлению: во время моего краткого спича-вопроса лицо Мишеля наливалось, наливалось и наливались краской. А когда я замолчал, он встал из-за стола и, отложив мою книгу, заявил:

– Рене Гера – это самый дрянной человек в Париже. Это единственный человек в Париже, которому я не желаю здоровья. А вам, господин автор, я желаю успехов, – с этими словами Мишель развернулся и ушёл.

Так закончилось моё знакомство с великим литературным агентом. К слову сказать, с Рене Гера я вновь встретился лет через пять у нас в Нижнем Новгороде на каком-то книжном форуме, и я спросил у него про великого литературного агента Мишеля, попросив передать ему привет. Реакцию Рене я представлял, но не в таких красках. Рене Гера отозвался о Мишеле в таких терминах, которые я не рискну приводить в этом тексте. Но главное – по-моему, после этого разговора мои отношения с Рене Гера тоже были навсегда испорчены.

Результаты моей встречи с Мишелем были таковы, что я уже мог спокойно ехать к себе домой, в Россию.

Даже приём всей нашей писательской делегации в российском посольстве, а это – хрусталь, мрамор, бронза, барокко и приглашённое высшее русско-парижское общество, не смягчил мою печаль от этой встречи с Мишелем, на которую я возлагал надежды. Тем более что там, в посольстве, Земляк познакомил меня с великим писателем-эмигрантом Витей, который всегда издалека мне казался эдаким образцом аристократизма или, по крайней мере, интеллигентности, а на самом деле оказался обычным пьяным русским мужиком, чем очень разочаровал меня. Он плохо себя вёл, а когда он ещё и по-барски пригласил всю писательскую компанию плюнуть на посольство и поехать с ним допивать водку в ресторан, я просто сел в такси и поехал в гостиницу.

Я был не одинок в своём решении, но кафе в гостинице было уже закрыто, а есть хотелось. И вот мы с главным редактором одного из центральных столичных изданий решили пойти куда-нибудь перекусить или просто попить кофе.

Мы потом пересчитали по пальцам – обойдя наш квартал в поисках кафе, где можно было просто попить кофе, что зашли в одиннадцать заведений, и все они были забиты под потолок; они были забиты арабами и неграми, которые оборачивались на нас, как только мы входили. И если мы задерживались даже на минуту, в воздухе просто начинало отчётливо пахнуть агрессией и адреналином, как на молодёжных танцплощадках шестидесятых годов после десяти вечера.

Убив на поиски легендарного парижского кафе час, а может, и чуть больше, мы вынуждены были воспользоваться услугами вьетнамского ресторанчика: варёный рис, грязные, только что выловленные каракатицы, креветки, осьминоги и пепси-кола. Говорят, что все эти морские деликатесы ежедневно на самолётах привозят прямо из Вьетнама – ещё вчера они плавали в Южно-Китайском море.

Приехав домой, в Россию, я тут же слёг на две недели с сальмонеллёзом в больницу; сальмонеллёз – болезнь грязных продуктов.

Не люблю Париж.

* * *

Сегодня снова снился Париж – тёплый вечер, я сижу на веранде маленького кафе на набережной Сены и прислушиваюсь, как кто-то вдалеке поёт: то ли Жильбер Беко, то ли Ив Монтан – знаю, что поёт, но ничего не слышу.